

ПОЗДНЕАНТИЧНЫЕ ИСТОРИКО-ЦЕРКОВНЫЕ СОЧИНЕНИЯ В КНИГОПЕЧАТАНИИ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА

Важнейшую роль в возрождении интереса к историографии церкви сыграли издания Евсевия Кесарийского и других позднеантичных авторов, предпринятые немецкими гуманистами в конце XV – первой половине XVI века. Особой популярностью пользовались публикации Беата Ренана (1485-1547) и Вольфганга Мускулюса (1497-1563), подготовленные с учётом всех достижений гуманитарных наук эпохи Возрождения. Анализ этих публикаций позволяет по-новому оценить пределы, достигнутые ренессансной наукой, и новые вызовы эпохи межконфессионального конфликта.

Ключевые слова: историография церкви, Позднее Возрождение, Евсевий Кесарийский.

Об авторе: Андронов Илья Евгеньевич – доцент, кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М. В. Ломоносова, orgizomenos@gmail.com. 141410 Московская область, г. Химки, ул. Молодёжная, 50-21.

Вплоть до создания «Магдебургских Центурий» наиболее авторитетным источником сведений о церковной истории оставались тексты греческих авторов (так называемая «Трёхчастная история», *Historia tripartita*¹). «Церковная история» Евсевия Кесарийского, книги Сократа Схоластика и Феодорита Киррского, а также Евагрия часто печатались и хранились вместе: эти труды связывала общая история написания, эпоха создания и историографическая традиция. Естественным, что и во второй половине XV, и в XVI в. эти книги накладывали характерный отпечаток не только на изучение церковно-исторических проблем, но и на способы и приёмы их освещения. Популярность этих текстов способствовала значительному количеству их изданий в Европе даже тогда, когда книги ещё были дороги,

¹ Название это первым употребил сенатор Кассиодор, составивший в VI из этих книг компиляцию и переведший её на латинский язык.

и публикация того или иного текста становилась ответственным коммерческим шагом.

В Европе середины XVI в. ходило множество различных экземпляров этих церковных историй. Первые были напечатаны ещё в эпоху инкунабул; особенно популярны были эти книги среди издателей Страсбурга. Неоднократно переиздавались они и в первой половине XVI в. Именно в страсбургских изданиях складывались традиции подборки, группировки и совместного издания текстов. Так, в третьей четверти XV в. издатель Эггештайн выпустил отдельно Евсевия (с предисловием Иеронима) в переводе Руфина Аквилейского, а к ним – отдельное издание Беды Достопочтенного². В 1500 г. Георг Хуснер³ подготовил новое однотомное издание Евсевия и Беды Достопочтенного⁴. С особой изысканностью были изданы классические тексты по ранней церковной истории в издательстве Иоганна Прюсса Старшего⁵.

Постепенно стандартизируется набор текстов, включаемый в такие издания. Уже в издание Иоганна Прюсса входят, помимо Евсевия в переводе Руфина Аквилейского и двух книг самого Руфина, также книги Феодорита Киррского, Созомена, Сократа Схоластика в переводе Епифания Схоластика, с кратким комментари-

² Prologus, Beati Jheronimi presbiteri in historias. Ecclesiasticas. Divi. Eusebii. Caesariensis. Episcopi. [Strassburg: Heinrich Eggestein, до 1475].

³ Об этом издателе практически ничего не известно, при том, что он был довольно заметен в страсбургской книжной жизни последней четверти XV века. Benzing J. 1982, 437; Reske Ch. 2007, 869 и далее; Allgemeine Deutsche Biographie 1881, 456 и далее.

⁴ [Ecclesiastica Historia diui Eusebii: et Ecclesiastica historia gentis anglorum venerabilis Bede: cum vtraru\[m\]q\[ue\] historiaru\[m\] per singulos libros recollecta capitulorum annotatione](#), Argentinae, 14.03.1500.

⁵ Ecclesiastice et Tripartite hystorie: insignia primitive ecclesie virorum gesta feliciter complectentis: libri duodecim. Auctoribus grecis: Theoderico. Sozomeno. Socrate. Traductore. Latino Epiphanio. Auspicante. Cassiodoro Senatore. [Strassburg: Joh. Prüss ок. 1500].

ем Кассиодора. Издание текстов по ранней церковной истории перестаёт быть прерогативой владельцев издательств (чья роль в развитии различных отраслей знаний в первый век развития книгопечатания особенно велика) и привлекает внимание ведущих гуманистов: в 1523 г. за подготовку нового издания взялся крупный немецкий гуманист Беат Ренан (1485 – 1547 гг.).

Уроженец Эльзаса, Беат Ренан был одной из ключевых фигур европейского гуманизма. Он получил образование в Париже, жил в Страсбурге и Базеле, был другом Эразма Роттердамского и многих других крупнейших интеллектуалов своего времени. Его основным занятием, помимо масштабной издательской деятельности, были греческие штудии и германские древности. В нашу задачу не входит оценка его деятельности как историка вне специфической церковной материи, хотя она была, бесспорно, очень велика. Его считают одним из крупнейших новаторов в немецкой историографии, наряду с Иоганном Авентином, Себастьяном Франком и Иоахимом Вадианом⁶. Важнейшими трудами его являются датированный 1519 г. «Комментарий к тацитовой «Германии»» и сочинение по германской истории *Rezum Germanicarum libri III* (Базель, 1531). Для нас, впрочем, особый интерес представляют не они, а принадлежащий перу эльзасского гуманиста аппарат, сопровождающий крупную публикацию источников по истории ранней христианской церкви. Издание, известное под сокращённым названием «Авторы церковной истории», впервые вышло в Базеле в типографии Фробена в 1523 г. Оно выделяется не только объёмом и скрупулёзностью проделанной филологической работы, но и ролью, которую ему пришлось сыграть в историко-церковной полемике. Эта книга была широко представлена во множестве европейских частных и монарших библиотек, а содержащиеся в ней тексты, впервые так хорошо и профессионально представленные публике, составили корпус основных источников

⁶ Neue Deutsche Biographie 1953, 682.

для множества работ по церковной истории, включая «Магдебургские Центурии», их многочисленную критику и даже «Церковные анналы» Цезаря Барония.

Подготовленная Беатом Ренаном публикация держала несколько изданий, что говорит о коммерческой целесообразности, а следовательно – о востребованности этой книги в европейской читательской среде. После первой публикации⁷ стандартизируется и состав публикации: издание в целом будет называться *Autores historiae ecclesiasticae*, а сочинения авторов, продолживших текст Евсевия (Феодорита, Созомена и Сократа) – *Historia Tripartita*⁸. Беат Ренан сделал то, чего мы вправе ожидать от гуманиста – выверил тексты по старинным рукописям, составил указатель, устранил большинство разночтений, накопившиеся в предыдущих изданиях неточности. Издание 1523 г. становится своего рода «стандартом», который не только становится базой для подготовки более поздних изданий по церковной истории, но и первым в истории книгоиздания стереотипным изданием, которое при выпуске ряда последующих изданий просто перенабиралось буква за буквой. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что это издание, ставшее впоследствии образцом для переизданий, зара-

⁷ *Autores historiae ecclesiasticae. Eusebi Pamphili Caesariensis Libri IX. Ruffino Interprete. Ruffini Presbyteri Aquileiensis, Libri duo. Recogniti ad antiqua exemplaria Latina per Beat. Rhenanum. Item ex Theodorito Episcopo Cyrensi, Sozomeno, et Socrate Constantinopolitano Libri XII. verso ab Epiphanio Scholastico, adabbreviati per Cassiodorum Senatorem. unde illis Tripartitae historiae vocabulum. Emendati et hij multis locis. Additis passim Graecis epistolis plerisque Synodorum ac Imp. e Tomis Theodoriti, cum ut Latinae versioni ex hijs succurratur, tum ut velut monumenta quaedam Christianae antiquitatis conserventur, et habeat lector φιλῆλην quod non sine fructu conferat. Froben, Basileae, 1523.*

⁸ Иногда название *Historia Tripartita* употреблялось расширительно по отношению и к более полному корпусу издаваемых текстов, в который, наряду с продолжателями, входил и прототип – «Церковная история» Евсевия Кесарийского.

нее рассматривалось издателем как таковое. Фактически, перед нами одна из первых (если вообще не первая) попытка защиты интеллектуальной собственности: в книге было напечатано подтверждение монопольного права на эту книгу, выданное самим императором Карлом V её издателю Фробену⁹. Тот, кто посмеет перепечатать эту книгу ранее начала третьего года с момента её выпуска, должен будет выплатить «десять марок чистого золота», при этом часть из них уйдёт в казну, а часть будет передана собственно Фробену, названному в императорском патенте «наш знаменитый издатель».

В 1535 г. вышло новое издание «Авторов церковной истории», ставшее впоследствии стереотипным¹⁰: в него вошли некоторые новые тексты – «Церковная история» Никифора патриарха Константинопольского, переведённая с греческого на латынь неизвестным лицом, а также «Три книги о преследовании вандалов» епископа Виктора. Книги Феодорита были напечатаны на языке оригинала. Датированное 1523 г. «посвятительное письмо» было перепечатано без изменений. Специально подготовленный Беатом Ренаном для данного издания Указатель составил 26 листов¹¹. Это издание переиздавалось ещё не раз; каждый раз его перенабирали по отдельным буквам – «буквально» (*buchstäblich*), так как держать

⁹ *Eusebius et al.* 1523 aa2r-v

¹⁰ *Autores historiae ecclesiasticae. Eusebij Pamphili Caesariensis libri novem, Ruffino interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis, libri duo. Item ex Theodorito Episcopo Cyrensi, Sozomeno, et Socrate Constantinopolitano libri duodecim, versi ab Epiphanio Scholastico, abbreviati per Cassiodorum Senatorem: unde illis Tripartitae historiae vocabulum. Omnia recognita ad antiqua exemplaria Latina, per Beatum Rhenanum. Praeterea non ante excusa Nicephori ecclesiastica historia, incerto interprete, Victoris episcopi libri III De persecutione Vandalica. Theodoriti Libri V graece, un sunt ab autore conscripti. Basileae, Froben, 1535*

¹¹ *Eusebius et al.* 1535. [Beati Rhenani] Index rerum memorabilium utriusque historiae ecclesiasticae, tam eusebianaе, quam tripartitae. N. n.

однажды набранные доски было невыгодно – шрифты стоили дорого, при их производстве применялись самые передовые на тот момент технологии. Издание 1544 г. является самым известным и лучше всего представлено в библиотеках. Анализ этой книги представляет для историка особый интерес: тот факт, что издание стало «стереотипным», указывает на его коммерческий успех, что, в свою очередь, является очевидным маркером соответствия основным тенденциям в восприятии обществом истории. Таким образом, издание Беата Ренана не только *воздействует* на читающую аудиторию, но – в наибольшей по сравнению с другими рассматриваемыми в данной главе текстами – отражает *обратное воздействие* аудитории, её интересов и симпатий на пишущую гуманитарную элиту.

Динамика изданий, подготовленных Беатом Ренаном, показывает растущий интерес к текстам, которые в контексте тогдашних представлений об истории составляли корпус «источников»¹² по истории христианской церкви первых веков её существования. Наличие не переведённых греческих текстов определённым образом характеризует публику, для которой эта публикация предпринимается. Кроме того, повторяющиеся переиздания показывают, что спрос удовлетворён не до конца, что количество этой публики растёт; большая часть текста издана, тем не менее, на латыни – она была распространена, конечно, гораздо шире греческого. В «Обращении к читателю» Ренан сообщил, что сочинение Никифора добавлено потому, что оно признано однородным «Трёхчастной истории» (букв. «из того же текста»). Сочинение епископа Виктора привлекло внимание гуманиста тем, что в нём представлен внутрицерковный

¹² Конечно, эти тексты с теоретической точки зрения относились к историографии, но в XVI в., вплоть до «Церковных анналов» Барония, ими пользовались как источниками не только в части описаний современной им христианской церкви, но и для заполнения фактологической лакуны в период между апостольскими временами и временем создания этих классических текстов.

конфликт, и «вряд ли какой-нибудь другой пример ущерба Церкви от расщепления религий (a religionis sectis) будет показан более ярко». Налицо намёк на современные Беату Ренану события, о которых он по понятным причинам предпочитает не высказываться обязывающим образом¹³.

Книги Феодорита в 1535 г. были изданы по-гречески (к изданию 1544 г. был подготовлен латинский перевод). Почему на греческом? Любопытно объяснение, представленное самим Беатом Ренаном: причина – в том, что полная версия этого текста (с письмами) вообще издавалась впервые. Какое это может иметь значение? Греческий язык априори был значительно менее доступен по сравнению с латынью и даже по сравнению с немецким языком; при этом греческий текст был ориентирован далеко за пределы Германии, он мог быть прочитан гуманистически образованными интеллектуалами во всей Европе. Для Беата Ренана гуманиста важнее филологическая ценность текста, его красота, форма; слово самоценно, оно является средоточием мысли, и его первоначальная форма, как гуманисты верили в ту эпоху, содержала некоторое знание, которое при переводе неизбежно утрачивалось. Приобретенное благодаря переводу (в первую очередь, конечно, более широкая читательская аудитория) было менее ценным, чем утрата в глазах Беата Ренана. Такого рода расчеты, и даже, если угодно, определённый «интеллектуальный снобизм» были тупиковой веткой интеллектуального развития Европы – это со всей очевидностью проявят последующие события, в том числе – и в рамках церковной историографии.

В этом вопросе как нельзя лучше проявляется дух идеализации гуманитарного знания, которым пропитана деятельность Ренана и ряда его современников. Обратим внимание на то, что издание латинского перевода классических текстов, исключительно высоко ценившихся римской Курией, содержит разностороннее и драматичное описание великого внутрицерковного конфликта

¹³ См. *Eusebius et al.* 1535, aa2r.

(Арианского раскола), который, несмотря на былую его остроту и кажущуюся неразрешимость, в конце концов, закончился установлением церковного мира. В выборе для публикации позднеантичных текстов, помимо стремления избежать необходимости выносить какие-либо оценочные суждения в адрес современников-«протестующих» и вообще вмешиваться в актуальные церковные проблемы, мы видим установку на обращение к источникам, к историческому примеру. Знание о прошлом, которое можно почерпнуть из данных текстов, знание, обёрнутое в античную обёртку, изложенное на безупречном классическом языке, для гуманистов ценнее, чем сиюминутные страсти, значительно менее изысканные по своему внешнему виду и представляющиеся довольно низменными по содержанию. Подбор текстов, осуществлённый Беатом Ренаном, с одной стороны, демонстрирует его широкую эрудицию, уверенность в их общенаучной и даже актуальной ценности, но не только. Не случайно «Авторы церковной истории» в издании Ренана стали последним существенным эпизодом участия «классических» гуманистов в набирающей обороты межконфессиональной историко-идеологической полемике: с открытием Тридентского Собора гуманисты теряют интерес к теме, приобретающей вселенский масштаб, ведущей к необратимым изменениям, уводящей всё дальше и дальше от понятных классических моделей. Следующие участники церковно-исторической полемики – это гуманисты лишь по образованию, но более не по образу мыслей и не по профессионально-культурной ориентации. Флаций, Сарпи, Меланхтон, Бароний – практически все участники историко-церковной полемики второй половины XVI в. сочетали в себе широкую гуманитарную образованность с готовностью включиться в обсуждение острых, насущных проблем, и прошлое при всей своей изученности и понятности не могло затмить настоящего, отвлечь учёных полемистов от необходимости чётко обозначить свою позицию, всей мощью своих знаний и интеллекта обрушиваясь на противников.

Адресат посвяtitельного письма в исторической литературе – лицо значимое, его выбор всегда даёт важную информацию в отношении позиционирования книги её автором или издателем¹⁴. Для данного издания Ренан выбрал очень значимую фигуру – епископа чешского города Оломоуц Станислава Турцо (1496/97 – 1540 гг.). Этот представитель католической церкви имел множество контактов в протестантском лагере, за время обучения в Падуанском университете приобрёл также широкие связи среди гуманистов. Ренану он представлялся идеальной фигурой, воплощавшей в себе верность католическим идеалам (сам Ренан придерживался также католической партии¹⁵, хотя в диспутах участия не принимал) и возможность совмещения их с протестантским происхождением и гуманистическим образованием. Как выбором текстов, так и посвяtitельным письмом Ренан стремится сказать, что между двумя сторонами в нарождающемся конфликте нет непреодолимых преград, что примирение во имя вечных гуманистических идеалов вполне возможно.

Почему Беат Ренан обратился в своём интеллектуальном поиске именно к ранней церковной истории? Он полностью разделяет обычную гуманистическую убеждённость в первостепенной воспитательной функции истории. Перечисляя наиболее популярные среди современников тексты языческой историографии, Беат Ренан выделяет из латинян Ливия, Саллюстия и Юстина, а из греков – Фукидида, Дионисия Галикарнасского и Ксенофонта; он считает вполне уместным расширить последний список за счёт произведений по ранней истории церкви. «Церковная история» Евсевия является не только самым авторитетным с познавательной точки зрения, но и наиболее совершенным с художественной точки зрения примером.

¹⁴ Genett G. 1989, 115 и далее.

¹⁵ Neue Deutsche Biographie, 1953, 682.

Эти слова Ренана фиксируют для нас важную тенденцию: спрос на исторические тексты растёт, и растёт он далеко за пределами круга гуманистических монархотомов и их учёных протектов. Кроме того, растёт и спрос на церковные истории, причём (и это тоже очень важно) *вне* межконфессионального конфликта, нарождающегося как раз в эти годы. Интерес к истории Церкви существовал и независимо от лютеровской критики Рима, он зародился в рамках проблематики позднего Возрождения и медленно рос по мере роста политического и гражданского самосознания грамотных слоёв населения, по мере углубления их религиозного самоощущения. Та часть общества, которую воспитали гуманисты, жаждала книг, текстов; публикации уже имевшихся текстов утоляли жажду познания, но лишь отчасти. Отметим также, что Беат Ренан говорит о «церковных историях» как, во-первых, об уже устоявшемся роде исторической литературы, а во-вторых, как о сравнительно массовом направлении. Что он имел в виду, если о массовой церковно-исторической литературе, созданной в первой половине XVI в., речи всё-таки быть не может? Очевидно, он имеет в виду античные тексты, в первую очередь – многочисленных продолжателей Евсевия. Эти тексты почти исключительно существуют в латинских версиях; первая немецкая церковная история – Каспара Хедико – ещё только должна была появиться. Следующие слова Беата Ренана, обращённые к чешскому епископу, иллюстрируют предпочтение, которое питала читающая образованная публика к исторической литературе.

И всякой истории, почтеннейший предстоятель, как бы внутренне присуще, что она и каким-то образом воздействует на читателя и захватывает его внимание, с одной стороны, своей разнообразностью, которая устраняет всякую возможность для скуки, а с другой – непосредственно познанием фактов, которых так жаждет человеческий ум и

которые в столь обильном количестве предлагает история, более чем любой другой литературный жанр¹⁶.

Эти слова, при всей своей неоригинальности с точки зрения позднеренессансных трактатов «о том, как писать историю», характеризуют и самого автора – человека блестяще образованного, владеющего замечательной латынью (к примеру, стиль «Центурий» значительно хуже). Беат Ренан находился вполне на высоте современных ему достижений литературы «о том, как писать историю». Если большинство его коллег в этом жанре не стремились внести непосредственный вклад в развитие исторического знания¹⁷, то о германском гуманисте этого сказать нельзя: подготовленная им публикация вполне достаточна для того, чтобы считать его и «практикующим» историком. Важной отличительной чертой Беата Ренана как историка является также оптимизм относительно способности истории удовлетворить разнообразные потребности человека; своеобразие именно церковной истории отошло на второй план. Дело здесь, конечно, не в особой актуальности церковных материй в эпоху Лютера, а в особенностях её содержания по сравнению с «историей государей», которые не подвергаются у Ренана никакому теоретическому осмыслению.

Заслугу Евсевия Беат Ренан видит не только в написании собственно «Церковной истории» - связного высокохудожественного текста, заложившего основу целого направления в историографии, но также и в том, что он своим обширным цитированием донёс до нас фрагменты других церковных историков, о которых мы без Евсевия ничего бы не знали. В соответствии с общей тенденцией эпохи Возрождения Беат Ренан особо подчеркнул воспитательную роль сочинения Евсевия. Особенностью этого тезиса у Беата Ренана стало выведение мо-

¹⁶ *Eusebius et al.* 1535, aa2r.

¹⁷ Об этом см. подробнее *Cotroneo G.* 1971; *Bellini E.* 2002; *Бобкова М.С.* 2010.

ральной функции истории за пределы традиционно воспринимаемых общих категорий «добра» и «зла», познанию которых должна учить историческая литература. Дело в том, что в истории ранней церкви вопрос о классификации отдельных фактов с точки зрения соответствия «добру» или «злу» упрощён и следует из самого замысла сочинения. Основную практическую пользу из истории, по мнению Ренана, можно было извлечь... из подвигов христовых мучеников, «с весёлостью и бесконечной твёрдостью» претерпевавших выпавшие им испытания¹⁸.

Беат Ренан сообщает, что сочинение Евсевия не всегда пользовалось безоговорочным уважением иерархов Церкви. Папа Геласий I, к примеру, вообще наложил запрет на его чтение. При разборе этой коллизии Ренан обнаружил абсолютное отсутствие пиетета перед иерархом церкви, пиетета, для других писателей-католиков совершенно обязательного. Очевидной методологической заслугой Беата Ренана стала способность не только выискать у авторитетнейшего церковного писателя недочёты и поводы для упрёков, но и оправдать его по большинству поводов! Например, гуманист сетует на то, что Евсевия часто упрекали в проступающих кое-где симпатиях к арианам. В учёных спорах в гуманистической среде авторитеты редко принимались безоговорочно, поэтому подобный упрёк был вполне возможен, хотя, конечно, по адресу крупных церковных авторитетов подобные тезисы высказывались с особой осторожностью. Беат Ренан берёт на себя смелость процитировать их и даже оспорить, то есть обсудить предметно¹⁹. Другая возможная претензия к Евсевию заключается в недостаточно критическом отношении к некоторым легендам, таким, как переписка Иисуса и правителя Эдессы Абгара V Ухама или к некоторым сюжетам из сочине-

¹⁸ *Eusebius et al.* 1535, aa2r-v

¹⁹ *Eusebius et al.* 1535, aa2v

ний Отцов церкви²⁰. Нам неизвестно, чьи претензии к Евсевию Беат Ренан имеет в виду, тем более что он сам никаких более конкретных сведений не привёл. Ответ критикам был прост: прилежный историк не имеет права умалчивать какую-либо информацию, особенно если он берёт что-то из вторых рук²¹. Вина Евсевия в том, что он излишне доверился «комментариям сирийцев» или сочинениям Климента Александрийского, незначительна, ей можно пренебречь: ведь подобные упрёки могут быть выдвинуты в адрес даже наиболее авторитетных католических авторов (в качестве примера использованы «Жизнеописания» св. Иеронима)²². Беат Ренан отлично представлял себе состояние современной ему критики текстов, вышедшей на новый уровень после знаменитого сочинения Лоренцо Валлы «О подложности Константина Дара». Приведённое выше замечание Беата Ренана не противоречит нашим представлениям о гуманистической критике, ибо Ренан имел в виду следующее: принимая на веру сообщение из вторых рук, историк не имеет права относиться к этому сообщению выборочно, отбирая из него наиболее правдоподобное и опуская остальное. Локальный метод авторов «Магдебургских центурий» уничтожит это достижение позднего гума-

²⁰ В частности, упоминается взятая на веру у Климента Александрийского легенда об обращённом Иоанном Богословом юноше, который затем стал главарём разбойников, а впоследствии был увещан Иоанном и возвращён к делам праведным.

²¹ *Eusebius et al.* 1535, *ibidem*. “a *fidei diligenter historico nihil omitti debere, maxime qui alienos commentarios sequatur*”

²² Ср. у И. Ю. Ващевой по поводу переписки Иисуса с царём Эдессы: «Но даже если указанные письма — лишь литературные произведения, передающие красивую легенду, а не реальные факты, то и в этом случае мы не вправе обвинять Евсевия в целенаправленном искажении действительности. Его «вина» лишь в том, что он не смог установить их подлинность или подложность на рубеже III-IV веков, как это сделали Лоренцо Валла в XV веке или современные исследователи». Ващева И. Ю. 2006, 190.

низма: информация будет препарироваться на мельчайшие локусы, которые будут жить в книгах и на диспутах самостоятельной жизнью.

Особый протест Беата Ренана вызывают чудеса, сверх меры переполняющие благочестивые сочинения. Примечательно, что немецкий гуманист даже не обсуждает вопрос об истинности или ложности тех или иных чудес (обычно поднимаемый в тогдашней богословской литературе) – он считает, что они просто неуместны. По его мнению, «добродетельная простота» святых мужей является более уместной, чем разжигающая ненужное любопытство тенденция «воздать природе максимум, а божественному провидению минимум»: именно этому, по мнению автора, нас учит Святое Писание. Однако дело не только в этом: описание множества чудес делает историческое сочинение уязвимым, в него легче проиникнуть всякого рода неточностям.

Среди множества «ошибок» Беат Ренан особо выделяет огрехи переводчиков. Нет сомнений, что он выверил многие фрагменты, причём не только описательного, но и сугубо богословского характера. В качестве примера он приводит цитируемый Евсевием неправильно понятый им фрагмент из Иринея о традициях соблюдения поста. Беат Ренан предложил свой вариант²³, однако неправильный оригинальный отрывок из Евсевия не процитировал – ошибке не место в публикации!

Беат Ренан проделал с издаваемыми текстами ту же работу, которую другие гуманисты уже проделывали с обнаруженными ими латинскими памятниками классической эпохи. Он выверил разночтения, определил наиболее точные варианты и привёл их в своём издании. В этой работе он пользовался поддержкой некоторых иерархов католической церкви – «ведь в Риме огромное количество не только учёных мужей, но и очень древних рукописей». Ренан считает, что публикация Евсевия вместе с авторами «Трёхчастной истории» нуждается в

²³ *Eusebius et al.* 1535, aa3r

теоретическом обосновании именно в этой связи: неясные места из последней могут быть лучше поняты в том случае, если у читателя имеется возможность сопоставить их с текстом Евсевия, от которого Созомен, Сократ Схоластик и Феодорит отталкивались не только хронологически, но и методологически.

Компилятор «Трёхчастной истории» сенатор Кассиодор удостоен уничижительной оценки немецкого гуманиста. Он работал в тот «несчастливый век», когда «варварство среди италийцев воцарилось не только во Дворце, но даже в школах». Перевёл эти тексты на латынь «некий Епифаний, хваставшийся знаниями в греческом языке», однако «в равной степени не владевший ни тем, ни другим языком». Описывая сделанное, Беат Ренан особенно подчеркнул стремление при наведении порядка в «подобном лоскутному одеялу» классическом тексте как можно меньше привнести от себя, ограничившись по возможности чисткой его от варваризмов и прочих «наиболее заметных и наиболее нестерпимых» лингвистических огрехов. Для этого он воспользовался некоторыми древними списками, предоставленными ему высокопоставленными церковными иерархами из собственных библиотек.

В довольно подробном описании проделанной работы мы не находим, однако, ничего, что пошло бы дальше филологической «техники». Нет сомнений, что Беат Ренан блестяще разобрался в тех проблемах, которые смог перед собой поставить при издании этих важных текстов. Периодичность публикации (1523, 1535, 1544 гг.) указывает на коммерческий успех, а значит, на относительно устойчивый спрос на такого рода литературу. До поры до времени скрупулёзность в «мелочах» вполне удовлетворяет читателей, не требующих от историко-церковной литературы цельной концепции и других подобных идеологических императивов. Беат Ренан умер в 1547 году, и это событие совпало с утверждением новых читательских интересов, с возникновением – благодаря, в частности, деятельности Тридентского Собора

– новой проблематики. Требовались новые концепции, и для них публикации Беата Ренана и насыщенный этими публикациями читательский спрос стали необходимой «питательной средой»²⁴.

Проделанная Беатом Ренаном филологическая работа скрупулёзна, хотя и не всегда очевидна. Важнейшим из частных моментов автор считал сличение полученной в результате отделения частей «Трёхчастной истории» друг от друга картины с тем, что содержится в тех античных источниках, добротность информации из которых не вызывает сомнений. Основной точкой отсчёта стало сочинение Аммиана Марцеллина. Примерно 7/8 объёма его «Письма к читателю» в публикации «Авторов церковной истории» занимает перечень разночтений между уважаемыми церковными историями и Аммианом Марцеллином. В самом начале письма он констатирует, что среди читателей этих книг много таких, кто не расположен слепо верить всему, что пишут в церковных историях. Отсюда возникает желание проверить полученную информацию, а выбор текстов для сравнения очень невелик. К подобному сопоставлению следует подходить осторожно; даже если в одном из публикуемых текстов встречается неправдоподобное утверждение, оно не означает, что неправдоподобным становится сочинение в целом. Этот момент очень важен: «Если (в источнике – *И.А.*) и встретится что-то подобное (имеется в виду сомнительная или фантастичная информация –

²⁴ Отметим, что по уровню мастерства в работе с греческими текстами Беату Ренану будут уступать не только авторы «Магдебургских Центурий», но и их основной противник – кардинал Цезарь Бароний в «Церковных Анналах». Однако оба эти масштабных проекта предложат, прежде всего, всеобъемлющую, глубоко фундированную историко-церковную концепцию, а публикации Беата Ренана при всей филологической добротности быстро устареют с методологической точки зрения, сохранив свою роль как корпус важных источников по истории ранней Церкви.

И.А.), то по этой причине не следует отбрасывать и всё остальное, оценивая по одному фрагменту ту другую информацию, которую читателям подтверждает согласие (других – *И.А.*) повествований (*narrationis consensus*) или последовательность событий (*rerum series*). Наверное, нигде этого не происходит чаще, чем в жизнеописаниях отшельников или святых людей, где в назидательных целях древность прощает себе больше всего в стремлении создать наиболее совершенный образец жизни для прочтения»²⁵. С одной стороны, Беат Ренан соблюдает подчёркнуто корректную позицию по отношению к церковной традиции, стремясь минимизировать ущерб её авторитету в тех случаях, когда утверждения авторов «Трёхчастной истории» противоречат здравому смыслу или надёжным источникам. С другой стороны, нельзя не отметить саму возможность подвергнуть церковную традицию осознанной и целенаправленной критике, возможность при определённых условиях отвергнуть некоторые из её утверждений. Безусловно, при всей непоследовательности такой подход говорит и о научной принципиальности, и о житейской смелости немецкого гуманиста.

Сличение некоторых утверждений «Трёхчастной истории» со сведениями Аммиана Марцеллина предполагает, в первую очередь, перечисление наиболее существенных расхождений, в которых истинными признаются всё-таки тезисы светского историка. Беат Ренан из всех сил стремится избежать такой ситуации, из которой могло бы показаться, что он безоговорочно признаёт Аммиана Марцеллина правым всегда или в большинстве случаев. Более того, нигде не указывается, что расхождения многочисленны, или что они имеют закономерный, системный характер. Примером могут служить два эпизода из истории древней церкви – о ссылке Афанасия Александрийского (кн. V Трёхчастной истории или кн. XV сочинения Аммиана Марцеллина) и о Георгии Ки-

²⁵ *Eusebius et al.* 1535, aa4r

ликийском. В XV Книге «Деяний» Аммиана Марцеллина²⁶ рассказывается о том, как в 355 году император Констанций II решил лишить сана епископа Александрии Афанасия (в православной традиции Афанасий Великий, ок. 298 – 373 гг.), используя для этого авторитет римского первосвященника Либерия²⁷. Либерий отказался примкнуть к стороне обвинения, сославшись на невозможность судить кого-либо в его отсутствие. Император низложил и сослал Либерия, возведя на престол своего кандидата. Авторитет первосвященника был столь высок, что, как напоминает Беат Ренан (почти буквально воспроизводя слова Аммиана Марцеллина), вывозить его из Города пришлось ночью, «из страха перед народом, который был к нему очень расположен»²⁸. Этому эпизоду непросто дать однозначное идеологическое толкование. Дело в том, что Афанасий, против которого так энергично боролся император, на тот момент был едва ли не единственным авторитетом Восточной церкви, боровшимся против арианства. Либерия римская католическая традиция вполне уверенно называет папой; он является важным элементом череды римских первосвященников от самого апостола Петра, на которой зиждется претензия Рима на особую религиозную и историческую роль. Дело в том, что позже он, как известно, поддержал осуждение Афанасия (о чём у Аммиана Марцеллина нет ни слова), вернулся на епископскую кафедру и, в конце концов, помирился с Афанасием.

Второй эпизод – это описание городского бунта в Александрии Египетской в 361 или 362 г., когда чернь, ободрённая репрессиями верховной власти против ряда представителей местной, растерзала епископа Георгия, занимавшего александрийскую кафедру во время изгнания Афанасия. В книге Аммиана Марцеллина, в которой

²⁶ Ammiani Marcellini *Res Gestae*, XV.7.7-10

²⁷ В православной традиции Ливерий Исповедник, ум. 366.

²⁸ *Eusebius et al.* 1535, aa4v. Liberius aegre populi metu, qui eius amore flagrabat, cum magna difficultate noctis medio potuit asportari.

действительно эти события представлены очень красочно²⁹, об Афанасии нет ни слова, как нет ни слова о его позиции в конфликте с арианством (именно эта позиция была в «Трёхчастной истории» одним из наиболее надёжных критериев для оценки того или иного церковного деятеля). Георгий был убит за то, что запятнал себя доношением и вообще был неприятен александрийцам, вызывая их раздражение различными необдуманными шагами.

Что можно прочесть на эту тему в «Трёхчастной истории»? Эрмий Созомен построил практически всё 4 книгу своей «Церковной истории» коллизиям, связанным с именами Либерия и Георгия. В его изложении Либерий (гл. 11 и далее) предстаёт последовательным политиком, крупнейшим предстоятелем церкви, доблестно защищавшим Афанасия от гнева императора. Георгий (главы 5-10 4 Книги) предстаёт перед его читателем как жестокий тиран, а народ, напротив, как сумма невинно страдающих праведников. Определяющим для александрийцев представлено мнение египетских монахов, «потому что они подвизались в добродетелях и проводили жизнь в любомудрии».

Историографический «конфликт» заключается в том, что сочинение Эрмия Созомена, содержащее по сравнению с Аммианом Марцеллином намного больше информации, одновременно уступает ему по надёжности, по крайней мере, в глазах критиков-гуманистов XV и первой половины XVI столетия. Аммиан Марцеллин же с самого момента обнаружения его рукописи Поджо Браччолини пользовался славой надёжного в целом источника по римской истории IV века. Насколько вообще можно верить информации, представленной в источнике, который заметно противоречит признанному научной общественностью? За сличением двух источников стоит более широкая проблема – о сочетаемости источников по светской и церковной истории, о возможности

²⁹ Ammiani Marcellini *Res Gestae*, XXII.11.3-11

беспристрастно судить об их информативности, об истинности содержащейся в них информации. В частности, какова должна быть оценка личности и политики императора Юлиана, прозванного в христианской традиции Отступником? Оценка Аммиана Марцеллина была весьма умеренной, император у него – лишь один из субъектов исторического процесса, наряду с чиновниками, народом, христианскими и языческими деятелями. Оценка Юлиана, например, в приложении к Евсевию переводчика Руфина или в «Церковной истории» Феодорита Киррского гораздо более одномерна и определяется лишь его отношением к язычеству, понятому к тому же упрощённо. Те же слова о пламени, извергавшемся в том месте, где Юлиан приказал восстановить Иерусалимский Храм, интерпретированы различным образом и, при схожести сюжета, оттеняют образ императора в соответствии с общими воззрениями авторов. Если оценка Аммиана Марцеллина (кстати, вполне праведного христианина) сдержана и отдаёт должное диалектической сложности образа, то у авторов «Трёхчастной истории» эта оценка – отрицательная – гораздо проще и понятнее. Избегая, на первый взгляд, острых столкновений с Курией, Беат Ренан фактически ставит вопрос о соответствии светских и церковных текстов и источников, о ценности одних для толкования и оценки других. Германский гуманист придерживается скрытых симпатий к светской истории. Это видно и по постановке данного вопроса, и по его симпатиям в публикаторской деятельности: в течение жизни он издавал множество светских авторов (Сенеку, Тацита, Ливия и других), а из церковных, помимо анализируемого нами сочинения, только Тертуллиана (без комментариев). Первый бой был Беатом Ренаном выигран – римская Курия не только не возразила ему, но и благосклонно взидала на последующие переиздания текстов по истории ранней церкви. Благо от распространения этих текстов было признано значительно превосходящим ущерб, который церковная традиция (Священное Предание) могла претерпеть от

слишком вольной и непредвзятой постановки некоторых теоретических проблем.

Последнее издание «Авторов церковной истории», подготовленное Беатом Ренаном³⁰, несколько отличается от первого. Крупнейшее отличие заключается в том, что греческий текст Феодорита был заменён на специально подготовленный латинский перевод. Скорее всего, подготовка этого перевода, сделанного блестящим филологом Иоахимом Камерарием (1500 – 1574 гг.), и стала поводом к переизданию всего корпуса текстов. В конце издания 1544 г. помещён составленный им же перечень императоров (*Catalogus caesarum*). Он охватывает период от Константина Великого до начала IX в., что отлично стыкуется с уже господствовавшей в XVI в. в Европе теорией «переноса империи». Кроме этого перечня, публикацию сопровождают некоторые материалы справочного характера – дополнения биографического характера по поводу некоторых персонажей Феодорита, список епископов различных церквей, а также краткий перечень еретических учений, упоминаемых в этой книге³¹. На последних страницах книги приводится богословское рассуждение неизвестного авторства «О сущности и субстанции», а также письмо Василия Великого о различии между сущностью и субстанцией.

³⁰ *Autores historiae ecclesiasticae. Eusebij Pamphili Caesariensis libri IX. Ruffino interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis, libri II. Item ex Theodorito Episcopo Cyrensi, Sozomeno, et Socrate Constantinopolitano libri XII, versi ab Epiphanio Scholastico, abbreviati per Cassiodorum Senatorem: unde illis Tripartitae historiae vocabulum. Omnia recognita ad antiqua exemplaria Latina, per Beatum Rhenanum. His accesserunt Nicephori ecclesiastica historia, incerto interprete. Victoris episcopi libri III De persecutione Vvandalica. Theodoriti libri V. nuper ab Ioachimo Camerario latinitate donati. Basileae, Froben, 1544.*

³¹ *Eusebius et al.* 1544, 834-840. INDICATIO HAERESSEΩN quarum in hoc scripto mentio est. Отметим уникальный в данной работе случай – написание слова на двух языках одновременно!

Одновременно с последней публикацией Беата Ренана в Париже вышло издание большей части тех же текстов, но на греческом языке³². Оно свидетельствует об определённой тенденции на книжном рынке, противоположной той, что мы отметили выше: наряду со стремлением заполнить нишу, вызванную интересом всё более широкой публики в церковно-историческому чтению, существовало и стремление удовлетворить запросы интеллектуальной элиты путём высококачественного издания текстов на труднодоступном языке оригинала. Его отличало очень высокое для своего времени качество, минимум опечаток и неточностей. Помимо обычных текстов, в эту публикацию были включены и сходные по содержанию отрывки из не дошедшего до нас сочинения Феодора Анагносты (ум. до 550 г.), донесённые до нас Никифором Каллистом Ксанфопулом.

Издание текстов по ранней церковной истории было весьма прибыльным делом, и это доказывает исключительную актуальность этой тематики в середине XVI века, даже определённый ажиотаж вокруг неё. После кончины Беата Ренана издатель Фробен не стал перекрывать золотую жилу и предпринял ещё несколько переизданий. Новые публикации помог подготовить известный богослов Вольфганг Мускулюс (Мюслин, 1497 – 1563 гг.). Уже через два года после кончины Беата Ренана, в 1549 году, вышло новое издание³³, для издания

³² Ἑκκλησιαστικῆς ἱστορίας Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου ἐπισκόπου καὶ Σαρδᾶς τῆς παλαιστίνης βιβλία ι'. Του αὐτοῦ εἰς τὸν βίος τοῦ μακαρίου κονσταντίνου βασιλέως λόγοι ε'. Σωκράτης σχολαστικοῦ βιβλία ζ'. Θεοδώριτου ἐπισκόπου κύρου βιβλία ε'. Εκλογῶν ἀπὸ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας θεοδώρου ἀναγνώστου βιβλία β'. Ερμείου σωζομένου σαλαμινίου βιβλία θ'. Εὐαγρίου σχολαστικοῦ ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας βιβλία ζ'. Lutetiae Parisiorum 1544.

³³ Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebii Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae lib. X. Wolfgango Musculo interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis historiae Ecclesiasticae lib. II Eusebii Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici

1554 г.³⁴ были подготовлены некоторые новые переводы с греческого языка; текст Феодорита остался в версии Иоахима Камерария.

Мускулюс проделал большую работу, которая, впрочем, носит некоторые следы спешки. Бросается в глаза, что теперь текст Евсевия состоит не из 9, а из 10 книг, а «Трёхчастная история» разделена на три отдельные книги различного авторства. Всем отдельным книгам, на которые разбиты помещённые в издание сочинения, предпосланы краткие оглавления, не особенно тщательно подготовленные составителем.

Мускулюс посвятил свой труд «королю Англии и Франции, государю Ирландии, Защитнику христианской веры» Эдуарду VI. Для такого посвящения имеется интересный предлог: как известно, Константин, «некогда успешнейший поборник христианской веры», после кончины отца своего Констанция первым делом усмирил Британию, «воспользовавшись помощью небес, погасил тиранию нечестивцев и сумел утвердить христи-

Constantinopolitani, eodem interprete lib. VII. Theodoriti episcopi Cyri, Ioachimo Camerario interprete lib. V. Hermii Sozomeni Salaminii, Musculo interprete lib. IX. Theodori Lectoris collectaneorum ex historia Ecclesiastica, eodem interprete lib. II. Evagrii Scholastici, eodem interprete lib. VI. Basileae, Hier. Frobenius et Nic. Episcopus, 1549.

³⁴ Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebij Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae. lib. X. Vuolfgango Musculo interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis historiae Ecclesiasticae. lib. II. Eusebij Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici Constantinopolitani, eodem interprete lib. VII. Theodoriti episcopi Cyri, Ioachimo Camerario interprete. lib. V. Hermij Sozomeni Salaminij, Musculo interprete. lib. IX. Theodori Lectoris collectaneorum ex historia Ecclesiastica, lib. II eodem interprete. Evagrii Scholastici, eodem interprete. lib. VI. Index memorabilium rerum sub finem additus est copiosissimus. Basilii Magni epistola ad Gregorium fratrem suum De discrimine inter Essentiam et Substantiam. Basel, Hier. Froben et Nic. Episcopus, 1554.

анскую религию». Посвящение датировано 11 июля 1549 г. и подписано из Берна; по традиции, оно дублируется без изменений (в том числе в датировке) и во втором издании. Разделение «Трёхчастной истории» на изначальные элементы было продуманным шагом.

Этим же пятнадцати книгам Евсевия следуют семь Сократа, пять Феодорита и девять Созомена; они извлечены из того материала, который свален в одну кучу в истории, называемой «Трёхчастной» (Tripartitam). Видимо, вряд ли мне нужно предупреждать о том, что лучше изучать (сочинения) этих авторов по отдельности, чем блуждать в выдержках, которые обычно из них делаются из них³⁵.

Перевод Камерария Мускулюс решил оставить без изменений, сочтя его, очевидно, удовлетворительным по качеству. Сокращению подверглись только некоторые книги, повествующие о сюжетах, далёких от Рима и католической церкви.

Здесь мы излагаем и представляем Твоему Величеству, о милостивейший король, латинскую версию того, что учёнейший муж Иоахим Камерарий перевёл из пяти книг Феодорита и что я счёл нецелесообразным отвергать. Относительно моего перевода я могу лишь искренне заверить, что ничего не добавил в него, что бы выдумал сам, хотя кое-что на мой вкус было (описано) слишком кратко, главным образом то, что расходится в описании с тем, что представлено в последующих нескольких текстах, а также со свидетельствами предшествовавших исторических сочинений. И тем не менее, поскольку в данной работе я выступаю не в роли судьи, а в роли переводчика, я не считал своей задачей ничего иного, кроме как научить говорящих по-гречески историографов молвить, а порой – и бормотать, по-латыни³⁶.

Сохранил Мускулюс и паратексты, подготовленные Камерарием для издания Беата Ренана. Так, в его

³⁵ Eusebius et al. 1554, Epistola, p. 4.

³⁶ Ibidem.

издании присутствует и «Каталог цезарей» от Константина Великого до Феодосия II, и краткий перечень епископов, и «Указатель ересей» (с сохранением двуязычного написания последнего слова!), и рассуждение *De essentia et substantia*, и письмо Василия Великого брату своему Григорию. Общий Указатель был составлен специальным работником – Иоганном Гастием. В самом конце Индекса был приведён довольно скудный (по сравнению с обильными цитатами) перечень цитируемых на страницах книги локусов Писания.

Этому изданию тоже было суждено стать стереотипным. К публикации 1557 г.³⁷ был добавлен (также в переводе Мускулюса) «Синописис» Дорофея Тирского³⁸. Сохранено и посвящение с его датировкой, и обильные непереведённые греческие цитаты в нём из Евсевия и Иоанна Златоуста (в обращениях это было в высшей степени не принято и могло быть плохо воспринято адресатом). «Синописис» Дорофея содержит справочный материал о жизни и главным образом о смерти и – часто – погребении апостолов (включая апостолов от 70). Симона Петра Дорофей называет «корифеем апостолов»; Мускулюс не стал исправлять оригинал, возможно, обнаруживая в данном факте отсутствие симпатий в адрес лютеранства. Извещение об апостоле Андрее содержит ошеломительные детали и выглядит следующим образом:

³⁷ *Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebii Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae lib. X. Wolfgango Musculo interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis historiae Ecclesiasticae lib. II Eusebii Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici Constantinopolitani, eodem interprete lib. VII. Theodoriti episcopi Cyri, Ioachimo Camerario interprete lib. V. Hermii Sozomeni Salaminii, Musculo interprete lib. IX. Theodori Lectoris collectaneorum ex historia Ecclesiastica, eodem interprete lib. II. Evagrii Scholastici, eodem interprete lib. VI. Dorothei, episcopi Tyri Synopsis, Apostolorum ac Prophetarum vitas complectens, eodem interprete, nunc primum in lucem aedita. Basileae. 1557.*

³⁸ *Eusebius et al. 1557, 806-819*

Брат Симона Петра Андрей, как передают наши предшественники, проповедовал Евангелие Господа Иисуса Христа в Скифии, Согдиане, среди саков и в окрестностях Севастополя, где живут эфиопские крестьяне. Похоронен же он был в городе Ахайе после того, как был распят царём эдеситов Эгеем³⁹.

Дорофей приводит также несколько менее скудную биографическую информацию о ветхозаветных пророках. В конце перечня, после Даниила, приведены также сведения о пророках, «которые не распространили никаких книг» - Илия, Елисей, Захария, Натан, Ахий, Иоаф, Азарий.

Третье издание мастерской Иеронима Фробена и Николая Епископия 1562 г.⁴⁰ в основной своей части

³⁹ В экземпляре книги, с которым велась работа (в Музее Книги РГБ), последняя фраза была вычеркнута, видимо, первым её читателем. Некий Станислав Вишневский (Vysnijowsky) из Люблинского архидиаконата приобрёл её за 60 монет (очевидно, не талеров – это было бы чрезвычайно дорого!) 12 ноября 1558 г., о чём составил надпись на титульном листе. На последней странице «Синописа» Дорофея он счёл необходимым отметить на латыни, что 20 ноября он начал эту книгу читать, а завершил чтение 10 апреля следующего, 1559 г. Подавляющее большинство помет сделаны его рукой – в основном он подчёркивал примечательные подробности. Вычёркивал пан Вишневский очень мало. Данное вычёркивание свидетельствует, что в его среде было распространено иное мнение об апостоле Андрее Первозванном. Дальнейшие хозяева данного тома пометок не делали (их перья затачивались иначе, и сведения о себе они оставили на титульном листе). В 1776 г. книга стала собственностью Польского коллегиума Общества Иисуса, где и пребывала минимум до конца XIX в., а, возможно, и дольше.

⁴⁰ Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebii Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae lib. X. Wolfgango Musculo interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis historiae Ecclesiasticae lib. II Eusebii Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici Constantinopolitani, eodem interprete lib. VII. Theodoriti episcopi

слово в слово повторяет предыдущее (спустя пять лет оно только было набрано заново, о чём свидетельствует небольшое отклонение в вёрстке). Примечательно только вполне справедливое отсутствие в названии книги указания на первоиздание паратекста Дорофея, а также совершенно иной указатель. Из него исчезло обозначение авторства, из чего можно предположить, что его сделал рядовой работник издательства. Он стал конкретнее и точнее, но существенно короче (14 листов вместо 25), появился список опечаток. По нашим сведениям, более поздних изданий этой антологии по ранней церковной истории в XVI в. предпринято не было.

Подводя итог сказанному выше, отметим, что публикации Беата Ренана «подготовили почву» для центуриаторов; Вольфганг Мускулюс несколько усовершенствовал продукт, но существенного вклада в прогресс уже не внёс. Скорее, его заслуга видится в продолжении тиражирования известных текстов, в поддержании интереса к темам из ранней церковной истории, а также в том, что он своими трудами неопровержимо доказал нам актуальность этого вопроса на всех уровнях, даже на коммерческом. Историческая литература обходит молчанием важнейший факт интеллектуальной жизни середины XVI в. – резкое увеличение «учёного» интереса к церковной истории. Этот интерес был подпитан множеством экземпляров текстов по этому предмету, текстов, в которых интересные исторические сведения перемежались не только рассуждениями на тему морали, но и явными легендами. Неоднозначность этих текстов стимулировала прочтение их на языке оригинала, а также рост любопытства публики, недо-

Cyri, Ioachimo Camerario interprete lib. V. Hermii Sozomeni Salaminii, Musculo interprete lib. IX. Theodori Lectoris collectaneorum ex historia Ecclesiastica, eodem interprete lib. II. Evagrii Scholastici, eodem interprete lib. VI. Dorothei, episcopi Tyri Synopsis, Apostolorum ac Prophetarum vitas complectens, eodem interprete. Basileae 1562.

статочно для этого образованной. Мы можем констатировать интересное явление, проявившееся ещё раз в начале европейского Просвещения: доступность *в целом известных* текстов вызвала обострение жажды новых текстов со стороны учёной публики. Когда древние церковные истории были приведены в порядок, выяснилось, что церковно-исторический материал очень востребован: в особенности это касалось столетий, не освещённых в этих книгах. Если роль публикаций Беата Ренана и парижского издания в эволюции собственно исторического знания значительно уступает по масштабу некоторым другим книгам этого времени, то в отношении подготовки общественного мнения можно констатировать весомый результат. Эти книги обозначили высшую точку сугубо гуманистического интереса к теме, а одновременно – и тупиковую ситуацию: издание для самых подготовленных читателей не стимулировало более широкого массового интереса, считавшиеся классическими тексты не удовлетворяли новых запросов, целые века оказывались «за бортом» изданий по истории церкви. Филологической критики для движения исторического познания вперёд было уже явно недостаточно.

Литература

Ammiani Marcellini. Res Gestae.

(*Eusebius et al.* ante 1475): Prologus, Beati Jheronimi presbiteri in historias. Ecclesiasticas. Divi. Eusebii. Caesariensis. Episcopi. [Strassburg].

(*Eusebius et al.* 1500): Ecclesiastica Historia diui Eusebii: et Ecclesiastica historia gentis anglorum venerabilis Bede: cum utrarumque historiarum per singulos libros recollecta capitulorum annotatione. Argentinae (Strassburg).

(*Eusebius et al.* circa 1500): Ecclesiastice et Tripartite hystorie: insignia primitive ecclesie virorum gesta feliciter complectentis: libri duodecim. Auctoribus grecis: Theoderico. Sozomeno. Socrate. Traductore. Latino Epiphanio. Auspicante. Cassiodoro Senatore. [Strassburg].

(*Eusebius et al.* 1523): Autores historiae ecclesiasticae. Eusebi Pamphili Caesariensis Libri IX. Ruffino Interprete. Ruffini Presbyteri Aquileiensis, Libri duo. Recognti ad antiqua exemplaria Latina per Beat. Rhenanum. Item ex Theodorito Episcopo Cyrensi, Sozomeno, et Socrate Constantinopolitano Libri XII. verso ab Epiphanio Scholastico, adbreuiati per Cassiodorum Senatorem. unde illis Tripartitae historiae vocabulum. Emendati et hij multis locis. Additis passim Graecis epistolis plerisque Synodorum ac Imp. e Tomis Theodoriti, cum ut Latinae versioni ex hijs succurratur, tum ut velut monimenta quaedam Christianae antiquitatis conseruentur, et habeat lector φιλέλλην quod non sine fructu conferat. Froben, Basileae.

(*Eusebius et al.* 1535): Autores historiae ecclesiasticae. Eusebij Pamphili Caesariensis libri novem, Ruffino interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis, libri duo. Item ex Theodorito Episcopo Cyrensi, Sozomeno, et Socrate Constantinopolitano libri duodecim, versi ab Epiphanio Scholastico, adbreuiati per Cassiodorum Senatorem: unde illis Tripartitae historiae vocabulum. Omnia recognita ad antiqua exemplaria Latina, per Beatum Rhenanum. Praeterea non ante excusa Nicephori ecclesiastica historia, incerto interprete, Victoris episcopi libri III De persecutione Vandalica. Theodoriti Libri V graece, un sunt ab autore conscripti. Basileae, Froben.

(*Eusebius et al.* 1544): Autores historiae ecclesiasticae. Eusebij Pamphili Caesariensis libri IX. Ruffino interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis, libri II. Item ex Theodorito Episcopo Cyrensi, Sozomeno, et Socrate Constantinopolitano libri XII, versi ab Epiphanio Scholastico, adbreuiati per Cassiodorum Senatorem: unde illis Tripartitae historiae vocabulum. Omnia recognita ad antiqua exemplaria Latina, per Beatum Rhenanum. His accesserunt Nicephori ecclesiastica historia, incerto interprete. Victoris episcopi libri III De persecutione Vandalica. Theodoriti libri V. nuper ab Ioachimo Camerario latinitate donati. Basileae, Froben, 1544.

(*Eusebius et al.* 1544): Ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου ἐπισκόπου καὶ Σαρδὰς τῆς παλαιστίνης βιβλία ι'. Τοῦ αὐτοῦ εἰς τὸν βίος τοῦ μακαρίου κονσταντίνου βασιλέως λόγοι ε'. Σωκράτης σχολαστικοῦ βιβλία ζ'. Θεοδορίτου ἐπισκόπου κύρου βιβλία ε'. Εκλογῶν ἀπὸ τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας θεοδώρου ἀναγνώστου βιβλία β'. Ερμείου σωζομένου σαλαμινίου βιβλία θ'.

Ευαγγρίου σχολαστικοῦ ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας βιβλία ζ'. Lutetiae Parisiorum.

(*Eusebius et al.* 1549): Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebii Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae lib. X. Wolfgango Musculo interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis historiae Ecclesiasticae lib. II Eusebii Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici Constantinopolitani, eodem interprete lib. VII. Theodoriti episcopi Cyri, Ioachimo Camerario interprete lib. V. Hermii Sozomeni Salaminii, Musculo interprete lib. IX. Theodori Lectoris collectaneorum ex historia Ecclesiastica, eodem interprete lib. II. Evagrii Scholastici, eodem interprete lib. VI. Basileae, Hier. Frobenius et Nic. Episcopus.

(*Eusebius et al.* 1554): Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebij Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae. lib. X. Vuolfango Musculo interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis historiae Ecclesiasticae. lib. II. Eusebij Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici Constantinopolitani, eodem interprete lib. VII. Theodoriti episcopi Cyri, Ioachimo Camerario interprete. lib. V. Hermij Sozomeni Salaminij, Musculo interprete. lib. IX. Theodori Lectoris collectaneorum ex historia Ecclesiastica, lib. II eodem interprete. Evagrii Scholastici, eodem interprete. lib. VI. Index memorabilium rerum sub finem additus est copiosissimus. Basili Magni epistola ad Gregorium fratrem suum De discrimine inter Essentiam et Substantiam. Basel, Hier. Froben et Nic. Episcopus.

(*Eusebius et al.* 1557): Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebii Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae lib. X. Wolfgango Musculo interprete. Ruffini presbyteri Aquileiensis historiae Ecclesiasticae lib. II Eusebii Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici Constantinopolitani, eodem interprete lib. VII. Theodoriti episcopi Cyri, Ioachimo Camerario interprete lib. V. Hermii Sozomeni Salaminii, Musculo interprete lib. IX. Theodori Lectoris collectaneorum ex historia Ecclesiastica, eodem interprete lib. II. Evagrii Scholastici, eodem interprete lib. VI. Dorothei, episcopi Tyri Synopsis, Apostolorum ac Prophetarum vitas complectens, eodem interprete, nunc primum in lucem aedita. Basileae.

(*Eusebius et al.* 1562): Ecclesiasticae Historiae autores. Eusebii Pamphili Caesariae Palaestinae episcopi historiae Ecclesiasticae lib. X. Wolfgango Musculo interprete. Ruffini presbyteri

Aquileiensis historiae Ecclesiasticae lib. II Eusebii Pamphili De vita Constantini, Musculo interprete. lib. V. Socratis Scholastici Constantinopolitani, eodem interprete lib. VII. Theodoriti episcopi Cyri, Ioachimo Camerario interprete lib. V. Hermii Sozomeni Salaminii, Musculo interprete lib. IX. Theodori Lectoris collectaneorum ex historia Ecclesiastica, eodem interprete lib. II. Evagrii Scholastici, eodem interprete lib. VI. Dorothei, episcopi Tyri Synopsis, Apostolorum ac Prophetarum vitas complectens, eodem interprete. Basileae.

Бобкова М. С. 2010: "Historia Pragmata". Формирование исторического сознания новоевропейского общества. М.

Ващева И. Ю. 2006: Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб.

Allgemeine Deutsche Biographie 1881: Bd. 13.

Bellini E. 2002: Agostino Mascardi tra "ars poetica" e "ars historica". Milano.

Benzing J. 1982: Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet. Wiesbaden, (2 Aufl.).

Cotroneo G. 1971: I trattatisti dell'"ars historica". Napoli

Genett G. 1989: Paratexte. Das Buch vom Beiwerk des Buches. Frankfurt am Main.

Neue Deutsche Biographie 1953: Bd. 1, Berlin.

Reske Ch. 2007: Die Buchdrucker des 16. und 17. Jahrhunderts im deutschen Sprachgebiet: auf der Grundlage des gleichnamigen Werkes von Josef Benzing. Wiesbaden.